

Пол с завистью смотрел на своего друга. Мне посчастливилось отдохнуть в Джибути, но я не знал, что Геракл изменит курс. Кроме того, я завидовал силе этого сильного человека, который мог смотреть свысока, будь то президент или директор DGSE, если ему это не нравилось.

Я сказал "Мусотоо Ли Саем-ги-дум"? Человек, который может делать все, что пожелает его сердце, - это монах, отрешенный от мудрости мира, или абсолютный сильный человек, которому все равно, даже если мир враждебен ему.

Самцы львов с легкостью бродят по лугам, но антилопы и зебры ни на секунду не сводят с них глаз. Люди ничем не отличаются. Рожденные самцами Кто бы не хотел жить гордо, как самец? Они говорят то, чего не хотят, и делают то, чего не должны делать. Если Сам-Сам Чжан будет толкать три поколения, он будет жить с закрытыми глазами.

"Друг мой, а как же Океофила Смарагдина, которая ждет, когда у нее выпадут глаза?"

Пол беспокоился за Джанг-сама.

"Если понадобится, я приеду в Джибути".

Черная Мамба фыркнула. Я провел 15 полных дней в джунглях Итури в одиночку. Хотя я был измотан физически и психически, общее время, когда я видел солнце в полнолуние, составляло всего три-четыре часа максимум. Всевозможные причудливые споры и пыльца из джунглей Итури накапливались один за другим. Тело незадолго до превращения в кордицепс жаждало жаркого солнца.

Олланд, командир ударного отряда, - майор. Поль, подчиненный, не может открыто нападать на него, но сержант Саймон Ди, телохранитель специального военного советника, не отличается суровостью. Звание сержанта дано только потому, что звание Черной Мамбы - майор (сержант?), и не имеет особого значения.

"Пиши, бурлескная прическа!"

Симон Ди посмотрел на Олланда налитыми кровью глазами. Олланд, испугавшись, тихо застонал. Печень Олланда была не настолько плоха, чтобы выдержать взгляд зверя, более свирепого, чем тигр, и более похожего на человека.

25 июня 1985 года 14 заложников Аребасы, похищенных из восточного Заира, 3 жертвы и заложник из Азии прибыли в аэропорт Де Голля. В зале ожидания аэропорта, который должен был быть переполнен отечественными и иностранными репортерами, было тихо. Это произошло потому, что Канал Пли, которую попросили сотрудничать в условиях жесткого эмбарго со стороны правительства, держала рот на замке.

Пока агенты DGSE брали ситуацию под контроль, вертолет SAMU, ожидавший на перроне аэропорта, отправил заложников в армейский госпиталь Вальдеграс. В отличие от других заложников, Ли Кан Чхолу выделили специальную палату с салоном. Менеджер Макиси был недостаточно велик, чтобы удовлетворить тщетную просьбу Черной Мамбы.

"Хех, хорошо! Вот что меня презирало. Если имя вызова известно посторонним, это большой национальный ущерб? Так что, пожалуйста, воздержитесь от репортажа? Я не могу этого сделать То, что государство сделало со мной, это и это. Я выплуну все это Хо-хо-хо!"

Пропустив конвой заложников в аэропорту, Валисари скрежетала зубами. Я поймала сенсацию

в Конго, но упустила улов и улов из-за чернокожего парня крупнее медведя гризли. Благодаря тебе записи интервью опустели. С запозданием я отправилась в аэропорт Де Голля за сенсацией, но стала похожа на собаку, уставившуюся на крышу.

Это настойчивый репортер, которого называют крокодилом канала Пли. Его унизили, повесив на дереве, когда он пытался освещать "Черную мамбу" в Каданке, поэтому его отравили.

На самом деле, все, что она знает, это поверхностный боковой отросток. Имя Колла настоящее, его послали в джунгли Итури для раскрытия операции "Кулак правосудия", и он уничтожил группу культистов и спас заложников. Хотя фактов не хватало, ее это нисколько не волновало. Пока есть сюжет, можно добавлять плоть. Публика предпочитает обрабатывать вымысел, а не факты.

"Валисари, ты в порядке? Французские суды всегда отдавали предпочтение правительству, когда возникал конфликт ценностей между правом народа знать и серьезным нарушением национальных интересов.

Если вы нарушите молчание правительства и СМИ, вы пострадаете".

Фотожурналист Пинол помрачнел. Все валисарийцы хороши, но они склонны быть слишком наивными. Это единственное предупреждение и предостережение на столе.

"Пиноль, игнорируй меня и сохрани фотографию азиатского ребенка, висящего на дереве. Если стол зажует мою статью, я продам ее в Charlie Hebdo".

"Что? Ты с ума сошел?"

вскочил Пиноль.

"Хех, я в порядке настолько, что могу дочитать "Сон в летнюю ночь" до конца, так что не волнуйся. Правительство заплатит за игнорирование крокодилов Канала Пли".

"Нет, что вы пытаетесь сделать? Серфунд - новый директор DGSE. Ты будешь гнить в тюрьме до конца своих дней. Нет, на меня может быть совершено покушение".

Лицо Пинола посинело. Эта женщина опьянена несколькими успехами и не знает, что мир страшен.

"Пиноль, у тебя должно быть два больших мальчика. ты знаешь, что это печень и пенис? Если пенис маленький, то печень должна быть большой. разве не так?"

Валисари мягко улыбнулась и посмотрела на нижнюю юбку Пиноль. 'Сука, с гнилым рылом. так не пойдет, эта сука - крокодил, которого не упустишь, как только укусишь. Это безумие'.

Пиноль был неугомонен, как королевский муравей на крышке котла, в котором он готовил.

Черпак пошел, но френч-пресс молчал. Потому что DGSE двигался быстро. DGSE использовала вилочный кран, чтобы заблокировать лопатой министра обороны Жермена и Кабаэ.

Пятерым репортерам из "Канал Пли", сопровождавшим в джунгли Итури, пришлось написать меморандум о неразглашении. На прессу было наложено жесткое эмбарго. Французская пресса свободолюбива, но у нее есть свойство быть готовой сотрудничать с правительством, когда речь идет о важных национальных интересах.

На следующий день, в полдень, Миттеран появился в прямом эфире национального телешоу. Миттеран, несколько высокомерно, объявил о блицкриге спасательной операции 4-го командос. Конечно, это сценарий, написанный Бонифацием.

Неизвестное количество французских командос в сочетании с силами ПВО и *Léison Etranger* провели 4-ю операцию "Кулак правосудия". Похитители - группа злобных фанатиков Вуду. Команда "Кулак правосудия" прошла через Дьявольскую рощу и совершила налет на опорный пункт угонщиков в глубине джунглей.

Кулак правосудия уничтожил боевиков и спас заложников. Из 22 заложников 14 выжили, и все они были спасены. В ходе операции не было жертв, а всего 698 вооруженных фанатиков были убиты.

Причина большого успеха операции кроется в превосходных системах вооружения, оперативных возможностях и разведывательных возможностях французской армии. Кроме того, большую помощь оказала сила граждан, которые доверяли и ждали правительство. Миттеран подчеркнул силу и нравственность правительства и восхвалил высокую гражданскую позицию.

Заявление Миттерана вызвало огромную сенсацию. Аплодисменты и похвалы лились со всех концов Франции. Хотя некоторые СМИ и граждане подвергли сомнению тот факт, что союзники, убившие 700 боевиков, не понесли никакого ущерба, теория заговора исчезла вместе с аплодисментами.

Цена акций "Миттеранг" взлетела до небес. Доверие к правительству и военным, упавшее на землю из-за неоднократных оперативных провалов, было быстро восстановлено.

Средства массовой информации, пропустившие сенсацию, перемололи ее. Правительство Миттерана попросило ввести эмбарго и получило удар по затылку. Разгневанные репортеры бросились в больницы, президентские дворцы, Министерство национальной обороны и радиовещательные станции.

Однако статьи вечером и утром следующего дня мало чем отличались от правительственных заявлений. Франция не допускает неограниченной свободы прессы.

Репортеры не могли даже подойти к заложнику. Под предлогом того, что лечение и стабильность заложников превыше всего, органы безопасности заявили, что они находятся в безопасности. Поэтому личность "Черной мамбы" была похоронена. Инцидент произошел на следующий день.

Таблички на 8-м этаже штаб-квартиры DGSE, в кабинете генерального директора, который назывался бассейном, и на тусклом столе из красного дерева изменились. Исчезла табличка "Пьер Лагос", а на ее месте появилось имя Бонифация Вернье. Конечно, человек, занявший вращающееся кресло, - это не раздувшийся Лагос, а человек с бамбуковой кожей, бывший начальник оперативного отдела и серф-унд, в жилах которого течет кровь.

"Будь ты проклят, ты будешь срать до конца".

Бонифаций держал суррогат Charlie Hebdo в одной руке и смотрел на главу Каабы, словно желая убить его. Когда статья была прожевана на столе, Валисари, как и обещал, продал ее журналисту Charlie Hebdo, специализирующемуся на разоблачениях.

Начальник отдела разведки Кабае впивается в горло. Внешне он проклинает Жермена, который сопровождал репортера, но на самом деле он проклинает то, что вынужден слушать. Вы - тот человек, который подписал запрос на разрешение освещать деятельность команды Канала Пли, включая Валисари.

'Чертова сука!'

ударил в грудь Никаких быстрых сожалений В слове "сожаление" содержится смысл того, что событие уже произошло, поэтому оно будет отложено, как бы рано оно ни наступило.

За 30 лет работы с информацией он не съел ни копейки черных денег и никогда не обращался с необоснованными просьбами. Единственным недостатком была хлюпающая поясница. Просьба Жермена прислать репортера была возможностью прорекламировать правительство, но дело было не в том, чтобы просто разрешить ее. Дело было в том, что завершение операции было именем нарицательным. Во время конфликта он утаил от Жермена официальный меморандум о сотрудничестве.

Затем раздался телефонный звонок. Это была красивая 30-летняя репортерша, работающая на "Канал Плиер", ее любовница и возлюбленная Валисари.

[Монг Амух (Моя любовь) Ты видела список Министерства обороны? Как насчет "Роял Сен-Жермен" сегодня вечером?]

Словно одержимый одним словом, которое проникло в мое сердце, как весенний дождь на рассвете, я разыскал официальный документ и сверился со списком. Как только я увидел имя Валисари, я, словно зомби, открыл крышку авторучки Montblanc.

Мгновенное вождение вернулось торнадо. Рогатая сучка на заднице только что купила и ударила прямо в тот момент, когда бдительно следила за тем, чтобы все было улажено с помощью эмбарго со стороны СМИ. Это самый большой кризис за 30 лет моей государственной службы. Кабаэ решил добровольно заплатить налоги. Моя гордость уязвлена, но чтобы выжить, у меня нет другого выбора, кроме как извиниться".

"Сэр, мне нечего сказать. Мы мобилизовали наших агентов и военную полицию, чтобы забрать печатные материалы и задержать журналиста Валисари за разглашение государственной тайны."

Миллиарды рухнули Он лучший среди трех менеджеров. Когда дело доходит до рисовых мисок, Бонифаций - далеко не младший. Доверие высшего руководства также было сильным. Не было никаких сомнений в том, что именно он является преемником Лагоса. Хосадама? Место, твердое, как бетон, начало сотрясаться при появлении Черной Мамбы.

Хитрый серф унд бежал вприпрыжку с черной мамбой. В тот момент, когда Миттерранг назвал Черную Мамбу Национальным Трезором, его мечта исчезла. Причина, по которой я получил зарезервированный вращающийся стул, была исключительно из-за "Черной мамбы". То смущение, которое они сейчас испытывают, - из-за Черной Мамбы".

'Проклятый Корреан!'

Один из желтых парней преградил мне путь к выходу. Даже Каба не знал о том, что это дело не терпит отлагательств. С того момента, как Бонифаций занял место генерального директора, его глаза превратились в жадные и завистливые. Поэтому Ин-бэ строг с другими и щедр с

собой, независимо от того, где он находится - на Востоке или на Западе. Можно оглянуться назад.

"Директор Кабэ, вы забыли эту фразу?"

Бонифаций указал на длинную картинную раму, висевшую на стене.

[Информация - нормальная функция правительства. Она не подлежит критике или восхвалению].

Именно это сказал Миттеран, когда расширил и реорганизовал SDECE в DGSE. Лицо Кабаэ было горячим. Бонифаций уже осознал свое девиантное поведение. Это звук, критикующий привилегию, предоставленную ненормальной функции государственного служащего, а именно - вализари канала Пли. Французы терпимы к подноготной, но когда она выходит на поверхность, нет ничего более постыдного.

"Вы президент?"

"Точно. Президент должен чувствовать себя так, словно пьет дерьмо. Когда эта чертова сука разоблачила единственное использование имени Колл, Миттеран стал лжецом и оказался под угрозой раскрытия личности Черной Мамбы."

"Charlie Hebdo сделал наценку на копии. Максимум тысячу листов. Вы можете забрать все обратно. Лицо президента никогда не упадет на землю".

Для главы информационного отдела это плохое оправдание. Кабаэ, которому пришлось придумывать громоздкое оправдание, был гнилой и пришибленный. Очевидно, он не до конца осознавал серьезность ситуации. Его голова помутнела, словно в него вселился призрак.

"Charlie Hebdo" - это несерьезная пресса. В противном случае потерю лица президента можно предотвратить, выставив его в качестве предмета сплетен. Проблема в "Черной мамбе". Вы когда-нибудь задумывались, насколько масштабными будут последствия, если иностранные спецслужбы убедятся в его существовании?"

"Я знаю. Мы конфисковали копировальные пластины и копировальные бумаги и восстановили более 90% отпечатанных оттисков."

'Проклятый старик! Вкус пропал. Ты заражен Эболой?

Желудок Бонифация раздулся. Начальник разведывательного отдела - это не человеческое слово. Я не такой уж глупый человек, но вдруг стал странным. Этого нельзя сделать, если вирус не съест твой мозг. Даже умный Бонифаций не смог прочитать регрессивную психологию старика, охваченного ревностью.

"Директор Кабаэ, вы должны задержать глупую суку и собрать отпечатки пальцев, прежде чем прикоснуться к яйцам своего мертвого ребенка. Должно быть, он уже попал в руки Адама.

Проблема усугубилась, когда Жермен и вы разрешили итальянское покрытие. Какого черта вы подписали этот абсурдный запрос на покрытие?"

"Простите!"

Кабаэ, которой нечего было сказать, промолчала. Я не могу сказать, что подписала его, потому

что хотела провести жаркую ночь со своим любовником".

"Черная мамба" отказалась возвращаться и уехала в Джибути. Что вы собираетесь делать с этой ситуацией?".

Бонифаций положил хоругвь Charlie Hebdo на стол и хлопнул по ней ладонью. Черная Мамба просто пропустил солнце и направился в Джибути, но Бонифаций не мог отделаться от мысли, что это очень жаль. Даже во время операции "Луман" он неправильно понял единицу довольствия, вырвал 300 миллионов франков и горько рассмеялся. Обычная ошибка в отношениях между А и Е ввергла любимого Кабэ в трясину.

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2165829>